

кукушка вторит соловью

концерт дирижера Всеволода Полонского
в Большом зале Петербургской филармонии

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

В Петербургской филармонии выступил молодой талантливый музыкант Всеволод Полонский, учившийся в консерваториях Петербурга, Лиона и Парижа как композитор и дирижер и ставший уже наполовину французом. Он предпринял решительную попытку расширить репертуарные рамки второго по статусу филармонического оркестра Петербурга.

Нечасто программы филармонических концертов в Питере радуют нетривиальностью и изысканным подбором сочинений, однако нынешняя была как раз из таких. Изящная, выдержанная в духе барокко сюита Респиги «Птицы» на темы композиторов XVII—XVIII веков, кларнетовые концерты Моцарта и Вебера в исполнении французского солиста Романа Гийо и напоследок бурно-романтические «Прелюды» Листа.

Отторино Респи, который вывел в начале прошлого века итальянскую оркестровую музыку из состояния застоя, обратился к старинным барочным формам и сконструировал замечательную камерную сюиту «Птицы».

Остроумные звукоподражательные приемы живописуют хлопотливое квохтанье наседки, соловьиные трели, назойливое кукованье в весеннем лесу и любовную песнь томной голубки.

Прозрачное звучание камерного оркестра настраивало на благодушный лад, а простенькие мелодии сюиты словно готовили слушателя к более глубоким и тонким произведениям Моцарта. Героем вечера стал кларнет: инструмент с густо-бархатным звуком, техничный и подвижный, поистине фаворит в семье деревянных духовых. На сцену вышел хрупкий миниатюрный француз Роман Гийо, неся в руках несоразмерно длинный инструмент — это был особенный кларнет, гибрид с бас-кларнетом, обладающий более широким звуковым диапазоном. Виртуозно, легко и пластично, с истинно галльским холодноватым шиком солист исполнил подряд концерты Моцарта и Вебера. Первый очаровал вкрадчивой мягкостью фраз, второй — проторомантической патетикой в духе *sturm und drang*.

После взвихренно-драматичного концерта Вебера настала оче-

редь «Прелюдов», и здесь петербургский оркестр, привыкший к крупным формам и сочно-красочному письму, оказался в своей стихии. Медь победно ревела и грохотала, исполняя главную тему преодоления; вздуваясь и опадая, волновалось оркестровое море. Главный романтический вопрос «зачем живешь?», заданный во вступлении, получил обстоятельный, пафосный и многословный ответ. Дирижерский жест Полонского был скуп и уверенно-точен; структура — прояснена до последней запятой. Буря, бушевавшая в оркестре, стихала в лирических эпизодах до штиля; герой поэмы, ищущий смысл бытия, последовательно проживал стадии борьбы, любви и просветления.

Полонскому чуждо стремление к внешней эффектности. Он, в сущности, интроверт, обладающий изысканным вкусом и дирижерским дарованием того особого свойства, что во главу угла ставит сдержанность и точность выражения. Звуковой результат, возникающий под его руками, весьма привлекателен и впечатляющ. Полонскому удалось расшевелить довольно инертный второй филармонический оркестр. Тот проснулся и заиграл ярко, живо и с полной отдачей — чего с коллективом давненько не случалось.

Дирижер Всеволод Полонский ответил на главные вопросы музыкального романтизма Фотограф: Михаил Спицын